

ЕЛЕНА МИРОНЕСКО-БЕЛОВА

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ИММИГРАНТА В ИСПАНСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В статье анализируется роль испанской прессы в создании определённых стереотипов и предубеждений относительно представителей русскоязычной диаспоры в Испании. На наш взгляд, достижение истинной межкультурной коммуникации возможно исключительно в контексте взаимопонимания и взаимоприятия, что накладывает на средства массовой информации особую ответственность.

Ключевые слова: русские иммигранты, испанская пресса, стереотипы.

«Какой образ созревает в нашем сознании, когда мы слышим слово “иммигрант”? Образ марокканца, продающего шляпы на деревенских ярмарках? Или, может быть, сенегальца, который, сойдя с утлого баркаса, падает, измождённый, на песок пляжа в Кадисе? Представляем ли себе чешку, работающую на кухне какого-нибудь бара в Старой части города? Что возникает в нашем воображении, когда речь идёт об иммиграции?» — спрашивает себя и своих читателей испанская журналистка Клара Перес в статье «Иммигрантки в прессе: жертвы без миграционного проекта» [Perez, 2003].

Можно было бы продолжить ряд этих вопросов — таких непростых, но исключительно важных для достижения истинного взаимопонимания и реальной интеграции иммигрантов в социум. Как влияют на порождение стереотипов средства массовой информации и каким образом индивидуальное и частное возводится в степень обобщённого и коллективного?

Несомненно, данная проблематика и связанные с ней дискуссии самого различного толка — явление достаточно новое для испанского общества. Пожалуй, впервые за всю свою историю это иберийское государство столкнулось с феноменом иммиграции в подобных масштабах. Достаточно отметить, что согласно данным Министерства по труду и социальному обеспечению Испании (Ministerio de Empleo y Seguridad Social) на 30 сентября 2012 года в Испании легально проживают 5 363 688 выходцев из других стран, что составляет почти 9% от всего населения страны, которое на настоящий момент насчитывает 46 815 916 человек. Принимая во внимание, что предлагаемая статистическая информация не учитывает определённые группы иностранных граждан, находящихся в стране на законных основаниях (например, учащихся

различных форм обучения и их родственников), а также не поддающихся никакому учёту иммигрантов-нелегалов, очевидно, что за последние годы Испания превратилась из действующего на протяжении столетий источника массовой эмиграции её коренных жителей в различные страны Европы и Латинской Америки, в неоспоримый вектор современного миграционного пространства.

Подобная трансформация из страны Исхода в землю обетованную для представителей многих национальностей произошла в исторически короткие сроки. С 1998 по 2008 год доля иностранцев, легально проживающих на территории Испанского Королевства увеличилась более чем в 6 раз: с 719 647 человек в 1998 году до 4 473 491 человек в 2008 [Anuario Estadístico, электронный ресурс].

Мировой экономический кризис с его драматическими последствиями для трудового населения Испании значительно сократил поток мигрантов, одновременно вызывая отток и возвращение иностранных граждан на родину, хотя в целом в настоящее время данный процесс может рассматриваться лишь в качестве намечаемой тенденции. Таким образом, не вызывает сомнения, что присутствие представителей самых различных стран мира в Испании является объективной реальностью.

Неудивительно, что ментальность большинства испанских обывателей не в состоянии за такой короткий промежуток времени ассимилировать глубокие экономические, демографические, конфессиональные и другие изменения, затронувшие испанское общество. Массовое сознание накладывает определённые схемы на сложившуюся социальную панораму, пытаясь максимально упростить всё многообразие проявлений новой действительности. На бытовом уровне упрощение и генерализация выразились в выделении нескольких референтных групп иммигрантов.

Наиболее многочисленным, несомненно, является коллектив выходцев из Марокко, Алжира, Мавритании, применительно к которым используют давно вошедшее в испанский язык слово *negros* (от латинского *maius* = “тёмный, чёрный”), изначально употребляемое для деноминации мусульман и в настоящее время утратившее полную связь с конфессиональной характеристикой.

Цвет кожи иммигрантов из других африканских стран (Сенегал, Гвинея, Мали) автоматически вводит их в группу *negros* — «негров», при этом данная лексема никогда не используется ни применительно к афроамериканцам, ни к ранее упомянутым выходцам из Магриба даже в случае, если они темнокожи.

Не избежали действия этой популистской этноцентрической тенденции и иммигранты из Японии, Кореи, Вьетнама, Китая и других азиатских стран, которых обывательское сознание подвело к общему знаменателю, называя их всех «китайцами».

По этой причине неудивительно, что всех иммигрантов, чьей родиной являлось какое-либо государство бывшего социалистического лагеря, поселяют в абстрактном пространстве, именуемом «Восточная Европа», при этом данный термин употребляется вне зависимости от географических, культурных, языковых, религиозных или каких-либо других параметров. Абсолютно справедливы слова журналистки одной из наиболее престижных испанских газет «Ла Вангардия» Селии Травьесо, заметившей, что «иммигрантов-

выходцев из Восточной Европы воспринимают с многочисленными стереотипами и предубеждениями, как если бы все они принадлежали к одной общей неопределённой стране» [Travieso, 4. 05. 2008].

Действительно, нередко даже в официальных средствах массовой информации можно услышать странное замечание «у него был восточнославянский акцент», да и в ранее упомянутой статье «Memorias del Este» журналистка, повествуя о бытии на чужбине иммигрантов из Чехии, Польши, Румынии, Албании, Украины и Болгарии, демонстрирует глубокие культурологические лакуны, утверждая, например, что «язык является связующим звеном между ними (т. е. всеми восточноевропейскими иммигрантами), поскольку кроме румынского и венгерского, все другие являются славянскими языками и используют кириллицу». В силу этого комментария у неискущённого читателя создаётся представление о существовании в настоящее время некоего единого славянского языка и фиксируется в памяти лже-факт использования кириллического письма всеми славянскими народами.

Поставив перед собой благородную задачу разрушения социальных мифов и, несомненно, следуя директивам политически корректного дискурса, автор репортажа, тем не менее, не способна сама выйти за рамки существующих стереотипов и предлагает поверхностную, обильную неточностями, обманчиво объективную информацию.

Подобные небрежности и ляпсусы весьма характерны для испанской прессы, о чём мы неоднократно писали и говорили [Mironesko Bielova, Magdalena Nom de Déu, 2003/2004, 2004; Миронеско, 2002, 2003/2004, 2004, 2011]. С недоумением читаем о болгарском младенце, родители которого венгры, либо о судьбе маленькой девочки, погибшей по вине непутёвой матери, которую называют то русской, то украинкой, что позволяет подозревать, что для журналиста, повествующего эту скорбную историю, эти две национальности, по сути, одно и то же [Ideal, 2003].

В центре нашего анализа стоит образ русскоязычного иммигранта, вместо собственно русского, поскольку нередко только на основании ретроспективных знаний и собственного опыта можно предполагать, о какой национальности идёт речь в газетно-журнальном материале или телевизионной программе, освещающей те или иные аспекты жизни иммигрантов из бывшего Советского Союза.

Россиянин Николай Кузнецов в заметках “Наши в Испании” пишет: “Слово “русские” здесь совсем не означает запись в пятой графе старого образца национального паспорта. “Русский” — одинаково относится и к украинцу, и к армянину, и казаху, и другу степей калмыку и ко всем — всем выходцам из бывшего СССР. Однако не то обижает гордого советского человека, что кто-то ошибся, угадывая слово в пятой графе серпастого-молоткастого, а то, что к нему отнесли как к подлому бандиту, что в нём ищут (и находят) повадки грязного мафиози” [Кузнецов, электронный ресурс].

В появлении этого нового и весьма опасного клише в определённой степени виноваты испанские масс-медиа. Как отмечает Теун Ван Дийк, “средства массовой коммуникации играют решающую роль в конструировании общих убеждений и передаче и усвоении обществом культурных ценностей, среди которых фигурируют ценности, ассоциируемые с иммиграцией и многооб-

разием культур. В этом смысле информационные сообщения играют решающую роль в создании и передаче представлений и поведенческих линий общества по отношению к иммигрировавшим личностям. <...> Кроме того, эти средства имеют первостепенное значение в формировании общественного мнения в этой области, так как люди нередко ссылаются на средства массовой информации, выражая или защищая своё этническое мировоззрение» [Van Dijk, 1997, p. 76].

Именно благодаря испанской прессе, вне зависимости от её политической ориентации, был создан и неустанно поддерживается миф о неразрывной связи русской диаспоры с криминалом.

«Обезврежена банда, которая подделывала справки для легализации иммигрантов», — приковывает наше внимание броский заголовок. Членам преступной организации «по происхождению русским, предъявлено обвинение по статьям о подделке документов, нарушении прав иностранных граждан, мошенничестве, незаконном хранении оружия и угрозах», — читаем мы далее.

В сообщении «Доставленный в больницу Малаги младенец скончался предположительно вследствие нанесённых ему увечий» — приводится тот факт, что родители несчастного ребёнка «были русскими и подвергали физическому насилию своих двухмесячных близнецов» [Granada hoy, 24. 10. 2009].

В свою очередь, Главное Управление национальной полиции и гражданской гвардии (Dirección General de la Policía y de la Guardia Civil) на интернет-странице www.policia.es/prensa/ регулярно информирует о прямом или косвенном участии «испанских россиян» в криминальной деятельности. Так, мы узнаём, что в Эль-Эхидо (Альмерия) задержан некий Александр С. русский по происхождению, обвиняемый в совершении 14 квартирных краж со взломом (18. 10. 2007) или что в ходе успешной полицейской операции была уничтожена сутенёрская сеть, нелегально переправлявшая русских женщин в Европу для продажи их в сексуальное рабство (08. 04. 2008).

Тем не менее следует прислушаться к мнению Родриго Гавилана, секретаря по связям с общественностью Испанской полицейской конфедерации, не понаслышке знакомого с криминальной обстановкой в стране. «В Испании существует определённый психоз, вследствие которого иммиграция прямо связывается с преступностью. Это вызвано незнанием уголовной, административной и общественной действительности. Причина этого незнания заключается в том, что большинство испанских средств массовой коммуникации вместо того, чтобы информировать, занимаются развлечением, и в результате большая часть населения знает имя и фамилии последнего бой-френда любой знаменитости, однако большая часть общества не демонстрирует чрезмерного интереса к базовым принципам экономики, социальным дебатам, международной политике или политическим тенденциям. Иммиграция в целом не порождает преступность, хотя очевидно, что существуют определённые коллективы иностранцев, которые дают более высокие показатели преступности, чем остальные. В порядке убывания это алжирцы, марокканцы, нигерийцы и румыны, и на последнем месте находятся эквадорцы, аргентинцы и русские. На сегодняшний день, любую мафию — косоварскую, боснийскую, чеченскую или румынскую смешивают с русской. Русская мафия, конечно,

существует, но, кстати, с большей интенсивностью в фильмах, чем в действительности» [Gavilán, электронный ресурс].

Тем не менее, средства массовой информации неустанно обращаются к теме русской мафии в Испании. Только краткое перечисление всех заголовков статей, связанных с этой проблематикой, заняло бы десятки страниц. Возможности Интернета превращают поток подобной информации в истинный шквал. Так, набрав ключевые слова “mafia rusa”, “Andrei Petrov”, мы найдём более 33 000 статей онлайн, посвященных одному из последних нашумевших дел по подозрению в коррупции мэра каталонского курорта Ллорет-дель-Мар и его связям с русским преступным миром.

По словам Роджера Фулза, признанного специалиста в области средств массовой информации, «реальные события <...> становятся «новостями» только тогда, когда они включены в обзор новостей. Огромное количество событий не упоминается, таким образом, отбор даёт нам частичный образ мира. . . . Отбор сопровождается трансформацией, различной обработкой при презентации в соответствии с многочисленными политическими, экономическими и социальными факторами» [Fowler, 1991, p. 11], что и способно породить подобные стереотипы.

Как справедливо замечают испанские исследователи Гарсия и Верду, «демонизация иммигранта как стратегия контроля путем подрыва авторитета и посредством символической агрессии почти всегда сопровождается паникёрскими рассказами, которые ловко связывают миграционный феномен с нарастанием преступности, безработицей и отсутствием гражданской безопасности. Демонизация, вкупе с соответствующим созданием образа иммигранта в рамках юридическо-полицейского контекста, устанавливает самый мощный барьер между иммигрантами и коренным населением» [García García, Verdú Delgado, 2008, p. 94].

Несомненно, главная задача прессы — реализация права и обязанности объективно и полно доносить до адресата информацию о всём происходящем, и вследствие этого события криминального характера неизбежно попадают в поле зрения репортёров. Не является ни для кого секретом и то, что криминальная хроника коммерчески рентабельна. Однако обращает на себя внимание факт муссирования в масс-медиа этнической принадлежности подозреваемых в преступной деятельности индивидуумов. Постоянное упоминание национальности создаёт предпосылку для развития устойчивого клише, связывающего любого выходца из России с незаконной деятельностью. Абсолютно права Сильвия Марку, когда замечает, что «необходимо наказывать преступников, а не весь коллектив иммигрантов. Негативный образ не может переноситься на весь народ» [Марку, 2010, p. 245].

Анализируя испанскую прессу в течение почти двух десятилетий, обнаруживаем, что на практике в создании подобных стереотипов виноваты средства массовой информации самых различных политических направлений, включая даже такие массовые и престижные издания как, например, «Эль Паис» (El País). Раскроем воскресный, а значит особо читаемый, номер газеты от 13 декабря 2009 года и сразу обнаружим обширный репортаж с красноречивым заголовком «Испания судит русскую мафию», укрепляющий уже существующий этноцентрическую модель, маркируя оппозицию «(позитивные) мы — (негативные) они».

Эта статья осталась бы ещё одним из многочисленных свидетельств интерпретации мотива «русской мафии», если бы на следующей странице мы снова не встретились бы с трактовкой «русской темы». На этот раз «героини» материала, занимающего весь газетный разворот и обилующего цветными фотографиями, русские брачные аферистки (либо стоящие за вымышленными именами мошенники обоих полов), которые через электронную почту пытаются обмануть наивных западных мужчин, привлечённых заманчивыми и многообещающими изображениями «потенциальных русских невест». «Не попадите в сети жуликов» — предупреждает читателей автор репортажа «Из России со СПАМом», а заодно с этим предостережением ненавязчиво подводит на подсознательном уровне к возведению частного в разряд общего и в результате к выводу об аморальности русских женщин как общем для них дифференциальном признаке. Это восприятие как нельзя лучше накладывается на сложившийся в испанском обществе имидж «русской иммигрантки».

Тема русской женщины на чужбине сама по себе достойна была бы стать объектом отдельного исследования. В своём анализе миграционных потоков, питающих пласт иностранцев, проживающих в Испании, местные средства массовой информации обычно концентрируют внимание на фигуре мигранта-мужчины, оставляя в тени женщин-иммигранток, тем самым порождая ложное представление о доминировании в обществе «мужской иммиграции». Тем не менее точные статистические данные свидетельствуют совсем о другом, варьируясь, естественно, относительно каждой этнической группы. Социальный миф об абсолютном и охватывающем всю иммигрантскую этническую палитру превалировании лиц мужского пола объясняется, по мнению некоторых антропологов и политологов, явным информационным вакуумом, окружающим фигуру женщины-иммигрантки с собственным и независимым миграционным проектом. «Молчание передаёт <...> отрицание её протагонизма как субъекта иммиграции, — замечает Мери Нэш, — Констатация невидимости женщины усиливает отрицание женщин-иммигранток и ценностей межкультурного диалога» [Nash, 2005, p. 103].

Гендерный анализ русской диаспоры в Испании, с одной стороны, разрушает данную картину — можно сказать, что в этой стране у российской иммиграции «женское лицо»: по данным на 31 декабря 2008 года на легальных основаниях в стране проживало 21 576 женщин и только 9 493 мужчин, выходцев из Российской Федерации [Anuario Estadístico, электронный ресурс].

С другой стороны, как раз русские женщины не могут пожаловаться на отсутствие внимания к ним со стороны испанских масс-медиа. По сравнению с представительницами других этнических групп, населяющих Испанию, образ россиянок не сходит с газетный полос и телевизионных экранов. Но не женщина-труженица, упорно и терпеливо строящая свою судьбу в чужой стране, пытающаяся достичь самореализации как в профессиональном, так и личном плане, интересуется журналистов. На ключевые слова “tráfico”, “mujeres rusas”, Интернет выдаёт нам более 186 000 страниц. Большинство из них похожи друг на друга и объединены идеей восприятия русской женщины как пассивной жертвы преступной деятельности.

Но такую ли информацию хотелось бы получать нам о наших соотечественницах: «В Альмерии обезврежена преступная организация, сексуально

эксплуатировавшая 6 000 россиянок: сеть заставляла женщин заниматься проституцией в ночных клубах Каталонии и Андалусии»; «Обезврежена самая большая сеть нелегального ввоза русских женщин в целях сексуальной эксплуатации: задержано 76 человек в Альмерии, Гранаде, Лериде и Джироне. Конечным пунктом переправки была Испания и Европейское Сообщество»; «Русские женщины, попавшие в преступную сеть, раскрытую в Альмерии, жили, как рабыни»; «В Альмерии раскрыта сеть проституции, которая ввезла 2 000 русских женщин»; «Обезврежена сеть торговли русскими женщинами, которых заставляли заниматься проституцией»; «Национальная полиция обезвредила преступное формирование, ввозившее русских и парагвайских женщин в Испанию . . . для занятия проституцией в домах свиданий Бильбао, Сантандера и Памплоны». «В Пальме одна русская проститутка убивает другую: как предполагаемая убийца, так и её жертва русские по национальности», и т. д.

Даже этот небольшой список газетных заголовков, который можно было бы продолжать почти до бесконечности, даёт общее представление о трактовке испанской прессой проблематики российской иммиграции. Вследствие безотказно действующего закона средств массовой информации «существует лишь то, что опубликовано», и рождается в сознании обывателя идея неразрывной связи россиянок с проституцией.

Как справедливо замечает Мери Нэш, «с точки зрения гендерного анализа, преувеличенная констатация женского присутствия в среде преступности и конфликтов усилило коллективную иллюзию относительно иммигрировавших женщин. Ассоциирование женской иммиграции с миром проституции оставило неизгладимый отпечаток на их имидже и авторитете. Эти культурные представления образа другого подкрепили идентификационное конструирование данного коллектива на основе двойной маргинальности, которая как категория начала прикладываться не только к работницам сферы сексуальных услуг, но и ко всему иммигрантскому населению в целом. Таким образом, образ иммигрантки соответствовал ментальной карте, подтверждавшей «инаковость» и маргинальность, исходя из двойного положения нелегальности и стигмации» [Nash, p. 138–139].

В качестве характерного примера публицистического дискурса приведём опубликованную в газете «Эль Мундо» статью: «В Альмерии обнаружили зарезанную русскую женщину: жертва, проститутка 42 лет, была найдена её компаньонкой по квартире с многочисленными ножевыми ранами на теле» [El Mundo, 7. 01. 2010].

В самом заголовке автор газетного материала нарушает кодекс журналистской этики, подчёркивая этническую принадлежность жертвы. В анализируемой статье национальность погибшей должна восприниматься как нерелевантная, а потому, как справедливо замечает известный журналист и лингвист Алекс Грихельмо, “тот факт, что человек может быть, например, чернокожим, цыганом или носителем арабской культуры, не должен упоминаться в информации, если только он не является базовым элементом известия” [Grijelmo, 1998, p. 528].

Больно и грустно читать, как «двое полицейских вынесли в нескольких коробках, на которых было написано фломастером «убийство русской», неко-

торые предметы и вещи убитой для их анализа». Этническая принадлежность женщины передаётся в качестве дифференцирующего признака, что уже само по себе рассматривается антропологами как проявление этноцентризма, своеобразного «символического расизма». Как замечает Бруно Масара, «в целом можно наблюдать распространённую тенденцию отчётливо ощущать этнические различия и оценивать их характеристики как детерминирующие элементы поведения людей, как в хорошем, так и в плохом. В действительности сам факт обращения внимания и необходимости обозначить этническую принадлежность человека, с которым находишься в контакте, указывает на придание неоправданной важности этого аспекта относительно других» [Mazara, 1999, p. 25].

Жертва, по описанию репортёра, «женщина, <...> крепкого телосложения, с короткими светлыми волосами, была представительницей самой древней профессии». «Ей было 42 года и она была русской по национальности». Обращает на себя внимание упоминание биографической детали, абсолютно, на первый взгляд, не имеющей отношения к теме газетного материала: отец Е. Е. — под этими инициалами фигурирует убитая — «был русским, хотя она сама родилась в Германии».

Русскоязычные читатели испанской прессы давно привыкли к неожиданной для них интерпретации понятия национальности, вызванной наложением испанских концептов на область российской юрисдикции. Напомним, что испанский термин *nacionalidad* выражает понятие как национальности, т. е. принадлежности к определённой группе, характеризующейся размещением в более или менее стабильных территориальных границах, относительной этнокультурной однородностью, а также обладающей определённой исторической традицией и комплексом экономических и социальных действий, так и понятие гражданства, определяемого как юридическая связь отдельного индивидуума с государством [SALVAT, 1997, p. 2644].

Испанская юрисдикция признаёт испанское гражданство за лицами, родившимися на территории Испанского королевства вне зависимости от их этнических характеристик (*jus soli*). Перенос норм одной правовой системы на другую (в данном случае на ту, где действует принцип *jus sanguinis*) в совокупности с полисемичностью в испанском языке терминов *nacionalidad* и *gusó* (напомним, что в настоящее время в России разделение понятий «национальности» как принадлежности к определённой народности, нации и «гражданства» как юридической категории реализуется на языковом уровне при помощи лексем русский и российский [Вепрева, Купина, 2007, с. 121–122] приводит к появлению странных для русского читателя заметок об азербайджанском музыканте Ростроповиче, русском спортсмене Сабонисе или к совсем немислимой дефиниции национальной принадлежности, найденной нами в статье о шахматисте Г. Каспарове: «Этот русский, рождённый в Азербайджане, мать которого армянка, а отец еврей, ненавидит проигрывать...» (El País, июнь 1997). В данном случае очевидно применение принципа *jus soli* с последующей заменой целого (Советский Союз) его частью (Россия), компонентом которой, в свою очередь, следуя и далее подобной трактовке, является Азербайджан.

Автору анализируемого нами репортажа «невыгодно» в данном случае

следовать общей, пусть и ошибочной тенденции интерпретации национальности через призму *jus soli* он смешивает обе позиции с целью сделать более выпуклой «русскую» линию.

В свою очередь, присутствующее в самом заголовке и последующее неоднократное упоминание того, что убитая женщина занималась проституцией, укрепляет уже сложившуюся референтную цепочку «русская иммигрантка — проститутка» и параллельно порождает у читателя ощущение удалённости трагической ситуации, переводя её в область маргинального, что в конечном итоге обуславливает полное отсутствие эмпатии по отношению к жертве.

Повторяющимся элементом дискурса средств массовой информации в освещении событий прямо или косвенно связанных с феноменом иммиграции в целом является реитеративная, имплицитная, а чаще эксплицитная демонстрация их большей или меньшей, в зависимости от принадлежности к каждой этнической группе, неинтегрированности в социальную структуру. Доказательством чужеродности иммигранток нередко служит указание на их полное незнание или слабое владение испанским языком. В рассматриваемой статье одна из соседок вспоминает, что обе женщины — убитая и проживавшая с ней другая русская иммигрантка, также занимающаяся проституцией, — были «очень приятными, ни с кем не ссорились <...> у нас не было с ней (т. е. с жертвой) особого общения, даже не знаю, как её зовут, потому что она почти не говорила по-испански».

Подтверждению социального мифа о неразрывной связи иммиграции с преступностью служат приводимые журналистом слова другой жительницы дома, в котором было совершено убийство: «С некоторых пор этот блок стал очень конфликтным местом и было подано несколько жалоб (в полицию), потому что какие-то странные личности звонили туда, где не было входа» (*sic!*). Неизвестно, связано ли каким-либо образом ухудшение состояния безопасности жильцов данного дома с присутствием в нём русских иммигранток и какое отношение имеют к этой истории эти таинственные «странные личности», но, без сомнения, выстраивание на протяжении всего сообщения цепочки «русская иммигрантка – проститутка – преступность» действует в рамках уже не создания, а поддержания и подпитывания устоявшегося стереотипа, т. е. «совокупности последовательных и достаточно жёстких негативных убеждений, которые разделяет определённая группа по отношению к другой группе или социальной категории» [Mazara, p. 16].

Подобное явление наблюдаем в другом газетном материале, посвященном страшному преступлению, совершенному в Барселоне «Женщина, убитая в Эйшампле, была дорогой русской проституткой» [El País, 10. 03. 2010]. Оба репортажа попали в руки читателей почти одновременно, с разницей в два месяца, однако истории, рассказанные в хронике, отличаются как по месту совершения преступления, так и по социально-экономическому статусу жертв насилия: женщина, убитая в Альмерии, жила в районе, который можно было бы скорее квалифицировать как бедный, в то время как барселонская россиянка проживала в дорогом престижном районе столицы Каталонии, одевалась в шикарных модных бутиках, поражала окружающих красотой и элегантностью. Несмотря на эти внешние различия, обеих женщин объединяло общее дело: и та и другая занималась проституцией.

Газетный репортаж в этом случае следует по уже отлаженной схеме, сочетая элементы сенсационализма с постоянным упоминанием национальности жертвы. Репортаж поверхностен, насыщен описаниями, типичными для жёлтой прессы, изобилует пустотами и в целом может служить примером журналистского дурновкусия. Поэтому неудивительно, что после его появления в печати в отдел по защите прав читателей газеты «Эль Паис» поступили многочисленные жалобы. Однако ни в одной из этих жалоб их авторы, упомянутые в статье по той или иной причине жители Барселоны, не отметили потенциальный вред, который могут принести подобные материалы имиджу русских женщин в Испании.

К сожалению, сформированный в сознании испанского обывателя стереотип, укладывающийся в элементарную формулу — русская женщина, молодая красавица, представительница самой древней профессии, — просвечивает в материалах и других печатных изданиях, освещавших трагическую смерть россиянки в Барселоне.

В результате неполной, поверхностной, а иногда и искаженной информации, укореняются новые стереотипы, за русскими женщинами закрепляется определённая модель поведения и рождаются новые социальные мифы, один из которых «русские женщины приехали в Испанию разбивать семьи».

Раскроем газету «Эль Мундо» [El Mundo, 27. 03. 2002]. В статье «Рокетас: деревня Наташ Гарсия» читаем: «Пока русская не разлучит нас». Шутка, приписываемая священнику Эхидо, быстро стала популярной. То, что первоначально было лишь курьёзным анекдотом, превращается в фокус конфликтов и подозрений в среде испанских фемин: «Альмерийские женщины начинают презирать русских. Жалуются, что эти отбивают у них мужей. А также очень ревнуют, поскольку русские более высокие, более провокативные и привлекают внимание», — утверждает один житель Альмерии, женатый на русской.

Это удивительное клише «русские приехали отбивать у нас мужей», касающееся только русских женщин, косвенно подпитывается материалами, подобными ранее упомянутой нами статье «Из России со СПАМом», и пышно расцветает на почве существующего этнического предрассудка о гиперсексуальности иностранок. Очевидно, чтобы проследить его зарождение, было бы необходимо провести серьёзный этнологический анализ, но даже без исторических и антропологических экскурсов может быть найдено простое объяснение. Испания, хотя в настоящее время и в меньшей степени, но была и остается страной с сильным влиянием на все сферы деятельности общества в целом и индивидуума в частности со стороны католической церкви с ее особым взглядом на место и роль женщины в социуме. Совсем недавно, в конце 60-х — начале 70-х годов вид иностранной туристки в купальнике на пляже Коста-дель-Соль или Коста-Брава вызывал шок у окружающих и казался вызовом нравственным устоям.

Однако, надо признать, что в основе порождения стереотипа «русские крадут наших мужчин» есть пусть небольшая, но доля истины. Действительно, определённый процент испанских холостяков, как правило, либо живущих в отдалённых населённых пунктах, либо по какой-либо другой причине, достигнув уже достаточно зрелого, а иногда и пожилого возраста, не нашедших свою «вторую половину», ищут и находят себе русских не-

вест. Таким образом, происходит своего рода «брак по расчёту» — холостяки, не имевшие возможности и потерявшие надежду создать семью, видят рядом с собой голубоглазую, русоволосую «натачу», а те, в свою очередь, получают определённую экономическую стабильность и общественное признание.

Испанский писатель и поэт Густаво Мартин Гарсо на вопрос, что он вкладывает в слово «мир», ответил: «Видеть вдругом не соперника, а зеркало, в которое можно посмотретья». Именно эту задачу — научить уважительному, объективному, без прикрас, но и без ненужного нагнетания социальной паники, видению и осознанию феномена иммиграции — должны поставить перед собой испанские средства массовой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anuario Estadístico del año 2008. Secretaria de Estado de Inmigración y Emigración, Ministerio de Trabajo e Inmigración. Gobierno de España. [Электронный ресурс]. URL: <http://extranjeros.mtas.es> (Дата обращения: 8. 04. 2014).

2. Caе una banda que falsificaba certificados de legalización de inmigrantes. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.panorama-actual.es/notici...not291239.html> (Дата обращения: 8. 04. 2014).

3. Enciclopedia SALVAT. Barcelona, 1997. Vol. 12.

4. Encuentran apuñalada a una mujer rusa en Almería/ EL MUNDO, 7. 01. 2010.

5. Fallece el bebé hospitalizado en Málaga por supuestos malos tratos/ GRANADA HOY. 24. 10. 2009.

6. Fowler R. Language in the news: Discourse and Ideology in the press. London and New-York, 1991.

7. García García J. T., Verdú Delgado A. D. Imaginarios sociales sobre migración: evolución de la autoimagen del inmigrante/ Papers: revista de sociología, № 89, 2008. P. 81–101.

8. Gavilán R. Entrevista. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slaviane.net/es/2008> (Дата обращения: 8. 04. 2014).

9. Grijelmo A. El Estilo del Periodista. Madrid: Taurus, 1998.

10. La mujer asesinada en el Eixample era una prostituta de lujo rusa: Los Mossos hallaron el lunes el cuerpo en la cama y con la cabeza destrozada/ EL PAÍS, 10. 03. 2010.

11. Marcu S. Del Este al Oeste: geopolítica fronteriza e inmigración de la Europa Oriental a España. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2010.

12. Mazara B. Estereotipos y prejuicios. Madrid: Acento, 1999.

13. Mironesko Bielova E., Magdalena Nom de Déu J. R. ¿Duendes de imprenta o incompetencia culturoológica?: la distorsión de lo eslavo en los medios de comunicación españoles/ Cuadernos Constitucionales de la Cátedra Fadrique Furió Ceriol, N 45–46, Valencia, 2003/2004. P. 253–258.

14. Mironesko Bielova E., Magdalena Nom de Déu J. R. Error informático versus error del informático: Rusia en los mass media españoles// Traducción, lengua y cultura: Actas VIII Jornadas Hispano-Rusas de Traducción e Interpretación. Granada: JIZO Ediciones, 2004. P. 315–325.

15. Mironesko Bielova E. A través del espejo y lo que el lector encontró allí: el inmigrante ruso en la prensa española actual// Actas del I Congreso Internacional sobre Migraciones en Andalucía. Granada: Instituto de Migraciones, 2011. Pp. 249–260.

16. Mironesko Bielova E. О броненосце «Авропе», Папе Русском и матрёшках на Старом Арбате/ Mundo Eslavo: Revista de Cultura y Estudios Eslavos, Granada, N 3, 2004. P. 200–203.

17. *Nash M.* Inmigrantes en nuestro espejo: Inmigración y discurso periodístico de la prensa española. Barcelona: Icaria Antrazyt, 2005.
18. *Pascual J. V.* Todos chinos/ IDEAL. № 29. 2008, España.
19. *Pérez C.* Las inmigrantes en la prensa: víctimas sin proyecto migratorio. /Mugak, nº 24, tercer trimestre, 2003, España.
20. *Travieso C.* Memorias del Este. /LA VANGUARDIA, 4. 05. 2008.
21. *Van Dijk T. A.* Racismo y análisis crítico de los medios. Barcelona: Paidós, 1997.
22. *Вепрева И. Т., Купина Н. А.* Русские/россияне//Русский язык за рубежом. 2007. № 1. с. 121–122.
23. *Кузнецов Н.* Наши в Испании. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.enet.ru/kn/spain](http://www.enet.ru/kn/spain) (Дата обращения: 8. 04. 2014).
24. *Миронеско Е. М.* «Здесь нет Отечества и отчеств тоже нет»: к вопросу о страноведческих лакунах//Мова і культура. Киев, 2002. Выпуск 5. Т. 1, ч. 1 «Философия языка и культуры». С. 249–255.
25. Dirección General de la Policía y de la Guardia Civil [Электронный ресурс]. URL: <http://www.policia.es/prensa> (Дата обращения: 8. 04. 2014).

Поступила в редакцию 8. 04. 2014